

А. В. ТЕРЕЦУК

Полковник Романов, или Венценосный солдат*

В тысячелетней истории России военная стезя была едва ли не самой главной в жизни ее правителей. Князь Киевский Святослав Игоревич, будучи вершителем судеб «матери городов русских», являлся не столько правителем, сколько полководцем, чьи воинские таланты имели неудовольствие оценить такие его могущественные противники, как византийцы, и в первую очередь искушенный военачальник император Иоанн Цимисхий.

Великий князь Владимир Мономах, совершивший за свою долгую, насыщенную драматическими событиями жизнь более восьмидесяти военных походов, нанеся несколько чувствительных поражений злейшим врагам половцам, вошел в историю нашего Отечества как незаурядный полководец. Талантливыми военачальниками были: Даниил Галицкий, Александр Невский, Дмитрий Донской...

Собиратель земель русских, «Государь всея Руси», при котором страна наконец избавилась от ордынской зависимости и в политическую лексику вошло слово «Россия», Иван III был профессионально подготовленным и удачливым военным деятелем.

В ряду правителей России, оставивших сколько-нибудь заметный след в ее военной истории, мы наблюдаем второго

* Впервые: *Терецук А. В. Полковник Романов, или Венценосный солдат* // Фирсов С. Л. Николай II. Пленник самодержавия. СПб.: Вита Нова, 2009. Т. II. С. 269–288.

Терецук Андрей Васильевич (р. 1955) — петербургский исследователь, выпускник Ленинградского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент. Специалист по отечественной истории XIX — первой половины XX в. — *Примеч. сост.*

Романова — царя Алексея Михайловича, при котором в отсталой, «варварской» России появились «полки нового строя», а на русской службе — несколько десятков иноземных офицеров. Среди завербовавшихся на службу в Московии офицеров из Европы был и небезызвестный Франсуа Лефорт, прозванный здесь Францем Яковлевичем. Именно ему было уготовано судьбой стать близким другом и наставником Петра I.

Что же касается Петра Алексеевича, по праву носившего в конце жизни почетное именованье Великого, то он, как известно, с раннего детства живо интересовался делами воинскими, по-настоящему овладевал премудростями артиллерийскими, фортификационными, военно-морскими и стал создателем регулярной армии в государстве Российском.

Император Павел I, с раннего детства испытывавший неодолимое влечение к службе воинской, еще в бытность свою наследником престола, по сути дела, разработал кардинально новую военную доктрину империи. Доктрина эта, может быть, и не была совершенной, однако впитала в себя немало идей, целесообразность которых впоследствии была подтверждена на полях сражений. И вообще, вопреки укоренившемуся стереотипу, в соответствии с которым «Русский Гамлет» нередко в глазах неосведомленных, а потому неблагодарных потомков предстает убогим солдафоном, Павел Петрович во время своего непродолжительного и столь трагически прервавшегося правления немало способствовал повышению боеспособности русской армии.

Самым серьезным образом занимался армейскими делами император Николай I — до мозга костей военный человек. Полагаю, что именно армейский профессионализм и сделал для него непереносимой ситуацию, связанную с унижительными поражениями русской армии во время Крымской (или, как ее именуют на Западе, Восточной) войны. Именно на фоне этого беспрецедентного разочарования, глубочайшего душевного кризиса болезнь и свела его в могилу...

Издравле на Руси сыновья правителей получали серьезное военное воспитание. Князь, великий князь, царь — это прежде всего воин, предводитель войска. Этим постулатом в государстве Российском руководствовались на протяжении одиннадцати веков. С появлением на престоле династии Романовых военная подготовка наследников приобрела достаточно четко очерченные

контуры, которые в Петровскую эпоху обозначили уже вполне определенную систему армейского воспитания.

Сын Петра I от брака с Евдокией Лопухиной царевич Алексей в 1698 году, когда его мать, насильно постриженная в монахини, была отправлена в Суздаль, волею отца был вынужден покинуть милые сердцу кремлевские хоромы. Обосновался он в подмосковном Преображенском, где в то время квартировал Преображенский полк и где началось военное обучение наследника престола. К неудовольствию Петра I его сын в науках воинских, увы, не преуспел, хотя отец приставлял к нему, с его точки зрения, толковых иноземных учителей, в частности барона Генриха фон Гюйсена. С ознакомительными целями молодой человек был отправлен за границу, а в последующем Петр брал его с собой в военные походы — шла изнурительная для России Северная война. Однако все усилия царя-реформатора пошли прахом — сведущим в военном деле человеком несчастный царевич за свою недолгую жизнь так и не стал.

В эпоху дворцовых переворотов, как назвал этот период русской истории В. О. Ключевский, военная подготовка наследников престола не раз претерпевала изменения. Так, великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла I, вообще изначально стремились оградить от чрезмерного увлечения военными «экзерцициями». Тем не менее он проявлял исключительный интерес к военному делу и в особенности к артиллерии — сначала игрушечной, а в последующем и к самой что ни на есть настоящей. Среди кукол, которые в детстве были подарены Павлу Петровичу, были фарфоровые фигурки великих полководцев прошлого — Александра Македонского и Цезаря.

Особый интерес представляет ситуация с чинопроизводством наследников российского престола. Как известно, иерархия воинских чинов и званий достаточно стройный вид приобрела в Петровскую эпоху, когда в сухопутной армии и на военноморском флоте появились фендрики и цалмейстеры, унтер-лейтенанты и шаутбенахты, вагенмейстеры и адмиралы разного цвета флагов. Сам Петр Алексеевич, к примеру, к концу Северной войны стал обладателем чина «Адмирал красного флага». Упомянутая иерархия была закреплена в знаменитой «Табели о рангах» — документе, который, пусть и с изменениями, сохранял юридическую силу вплоть до конца 1917 года.

Царевич Алексей Петрович, с большой долей вероятности, начал службу в Преображенском полку рядовым. Его сын Петр, внук Петра Великого и в последующем император Всероссийский Петр II — «царь-охотник», как назвал его известный петербургский историк Евгений Викторович Анисимов, — едва достигнув трехлетнего возраста, «был объявлен» сержантом Преображенского полка. По восшествии на престол в 1727 году в двенадцатилетнем возрасте он был произведен в полковники. К слову, именно с этого времени получила развитие идея шефства великих князей над гвардейскими полками. Великий князь Павел Петрович, будучи семилетним мальчиком, был произведен своим отцом, «случайным гостем русского престола» императором Петром III, в капралы. Этот воинский чин был ниже сержанта. Капралы командовали «капральствами» — то есть отделениями, если адаптировать этот архаичный термин к современным армейским реалиям. Упомянутое производство явилось наградой за успешно сданный экзамен. Впрочем, вскоре, по настоянию его воспитателя графа Никиты Ивановича Панина, производство в этот воинский чин было отменено.

Летом судьбоносного для России 1762 года, когда император Петр III был низложен и лишен жизни, великий князь Павел Петрович стал полковником Лейб-кирасирского полка. А в декабре того же года новоиспеченная императрица Екатерина II, еще не охладевшая к своему впоследствии нелюбимому сыну, сделала его генерал-адмиралом Российского флота.

Великий князь Николай Павлович сразу после воцарения отца, будучи в четырехмесячном возрасте, был произведен в генерал-лейтенанты и вскоре назначен шефом лейб-гвардии Измайловского полка. По достижении совершеннолетия, которое для великих князей (за исключением наследника престола) наступало в двадцатилетнем возрасте, он стал генерал-инспектором инженерных войск. Его брат Михаил Павлович, четвертый сын императора Павла I, уже в день своего рождения в соответствии с высочайшим указом был назначен генерал-фельдцейхмейстером и шефом Гвардейского артиллерийского батальона. Став профессиональным военным, он в дальнейшем сделал блестящую карьеру, которая безвременно прервалась в пятидесятилетнем возрасте скоропостижной смертью от апоплексического удара, как в то время называли инсульт.

Перечень событий, связанных с чинопроизводством членов Императорской фамилии и в особенности наследников российского

престола, можно было бы продолжать до бесконечности. Однако пришло время обратиться к главному сюжету нашего повествования — военной карьере последнего императора Всероссийского Николая II.

Еще до принятия воинской присяги и зачисления на действительную службу, едва обретя статус цесаревича, Николай Александрович получил ряд высоких военных назначений. Таковы были традиции Русского Императорского дома. Он стал атаманом всех Казачьих войск, был назначен шефом 65-го пехотного Московского полка, затем — шефом лейб-гвардии Резервного пехотного полка. В день своих именин, 6 декабря 1875 года, мальчик был произведен в свой первый воинский чин — прапорщика; через пять лет он уже подпоручик. 6 мая 1884 года в Большой церкви Зимнего дворца Николай Александрович в торжественной, подобающей случаю обстановке принял воинскую присягу на верность Престолу и Отечеству. С этого момента началась его действительная военная служба.

Летом 1884 года цесаревич был произведен в чин поручика. Через три года, уже в девятнадцатилетнем возрасте, он стал штабс-капитаном и вступил на военную службу, проходя ее сначала в лейб-гвардии Преображенском полку в качестве субалтерн-офицера (иначе — полуротного), а в последующем — уже в качестве ротного командира. Хотел бы обратить внимание на одну в высшей степени примечательную деталь: по настоянию своего венценосного отца наследник престола непродолжительное время служил младшим офицером в 65-м пехотном Московском полку, то есть в армейской пехоте! Это первый и единственный случай в истории Дома Романовых.

Николай Александрович проходил службу также в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку, таким образом приобретая навыки кавалериста. Один из лагерных сборов он провел в артиллерии, в Гвардейской конно-артиллерийской бригаде.

В 1891 году цесаревич стал капитаном, а в следующем, 1892-м — был произведен в чин полковника. Неискушенные в военном деле историки нередко ставят Николаю II в укор то, что он якобы перескочил в «Табели о рангах» одну ступеньку и, минуя подполковничий чин, сразу стал полковником (эта позиция соответствует 6-му классу «Табели»). Но дело-то в том, что в гвардейских войсках, в отличие от армии, чин подполковника не предусмотрен — ему как раз и соответствовал чин капитана!

Поэтому принятый в Российской империи порядок чинопроизводства отнюдь не был нарушен.

Взойдя на престол после безвременной кончины отца, императора Александра III, Николай Александрович считал неприемлемым производить самого себя в более высокие воинские чины. Именно поэтому единственный из российских императоров он так и не стал генералом. Даже летом 1915 года, когда Николай II возложил на себя обязанности и официальную должность верховного главнокомандующего русской императорской армией, он продолжал носить полковничьи погоны, будучи окруженным в Ставке людьми, находившимися в гораздо более высоких воинских чинах. Характерно, что при Николае II многие члены Императорской фамилии — великие князья и принцы — удостоивались генеральских чинов и высоких военных должностей, но при этом чинопроизводство производилось по общепринятым правилам.

О людях, которые воспитывали и обучали наследника российского престола, будущего императора Николая II <...>. ...Среди них были признанные авторитеты в военной науке — непревзойденный военный теоретик Генрих Антонович Леер, способнейший начальник Главного штаба Николай Николаевич Обручев, талантливейший фортификатор, ученый с мировым именем Цезарь Антонович Кюи, являвшийся также известным композитором и музыкальным критиком, членом «Могучей кучки»...

В какой мере цесаревич освоил военные науки — сказать трудно. Ни один из его наставников не оставил свидетельств о том, что Николай Александрович стал высокопрофессиональным военным специалистом. Другое дело, что объективные возможности для этого ему, безусловно, были созданы. Впрочем, генерал от инфантерии Николай Алексеевич Епанчин, многократно наблюдавший Николая II и общавшийся с ним в бытность последнего еще цесаревичем, в своих воспоминаниях обратил внимание читателя на, как он выразился, «немалые пробелы» в военно-научном образовании молодого человека. В 1893 году Епанчин в чине полковника, как офицер Генерального штаба, принял под командование 2-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка, в котором как раз в это время проходил службу великий князь Николай Александрович — он тоже командовал батальоном.

Так вот, в ходе неформального общения выяснилось, что цесаревич не имеет «должного понятия» (по выражению Н. А. Епанчина) о событиях Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, которую в военной среде именовали не иначе как Крестовым походом и досконально изучали ее опыт. Не слишком сведущ был цесаревич и в дальневосточных проблемах, которые с каждым годом приобретали все большую актуальность для империи. Уже не за горами была война с Японией.

Справедливости ради замечу, что многие великие князья, члены Императорской фамилии, всецело посвятившие себя военной карьере, также не отличались высоким уровнем военного образования. Яркий пример — младший брат последнего российского императора великий князь Михаил Александрович, который, по отзывам своих преподавателей, демонстрировал весьма посредственные способности в военном деле. Дядя Николая II великий князь Сергей Александрович хоть и «командовал» Преображенским полком, а также войсками Московского военного округа, до конца своих дней оставался дилетантом в науках воинских и, по мнению сведущих современников, не мог по-настоящему командовать даже батальоном!

В чем не приходится сомневаться, так это в том, что наследник престола уже с детских лет, как, впрочем, и большинство его предшественников, выказывал искренний интерес к воинским занятиям. Как тут не вспомнить о том, с каким удовольствием «ефрейтор Николай Романов», как он себя тогда именовал, участвовал в «потешных» баталиях на территории сада Аничкова дворца.

Оказавшись в армейской среде, цесаревич не испытывал ни малейшего дискомфорта. С огромным желанием и неподдельным интересом он начал постигать особенности строевой полевой службы, окунулся в войсковой быт, при этом был исполнителен, добросовестен, педантичен. Молодой офицер не имел ни малейших претензий по части своего положения в полку, вел такую же жизнь, как и остальные офицеры. Столовался в Офицерском собрании, был скромнен и неприхотлив. Особенно отчетливо это проявилось в летних лагерях и на маневрах. Проходя службу в лейб-гвардии Преображенском полку, цесаревич выезжал в Красносельский лагерь.

Впервые в Красное Село войска были введены еще летом 1765 года по распоряжению императрицы Екатерины II. Затем

последовала длинная пауза, и только в 1819-м здесь вновь был развернут военный лагерь. А с 1823 года Красное Село и окрестности стали постоянным местом летних полевых сборов Гвардейского корпуса и прикомандированных к нему частей, а также военно-учебных заведений, расположенных в столице. Впоследствии сюда на маневры стали также выводить части 1-го Армейского корпуса и Финские стрелковые батальоны. Нередко в Красносельском лагере одновременно находились почти 50 тысяч офицеров и нижних чинов.

Квартировали преимущественно в больших четырехскатных палатках и специально возведенных деревянных бараках. Кавалеристы и небольшая часть артиллеристов располагались на квартирах собственно в Красном Селе и окружающих его деревнях. Столовые являли собой простые навесы, под которыми были установлены самые обычные столы и скамейки. Питание в полевых условиях было весьма скромным; цесаревич, если судить по воспоминаниям его сослуживцев, как, впрочем, и его отец, был абсолютно непритязателен в еде.

Едва ли не единственной в этом отношении привилегией Николая Александровича, которую тот же Н. А. Епанчин квалифицировал как «один из курьезов придворной службы», была ежедневная доставка в лагерь свежее испеченной булки. Ее выпекали для наследника престола в Петергофе, в придворной пекарне. Затем доставляли по железной дороге через Лигово в Красное Село, и в придворной карете специальный служитель каждое утро ровно к девяти часам привозил эту булку, упакованную в небольшую картонную коробочку, прямо в походный барак цесаревича.

Заслуживает внимания вопрос о том, как складывались взаимоотношения Николая Александровича с офицерами и нижними чинами как в период его действительной военной службы, так и в бытность «Хозяином Земли Русской» (по его собственному определению). Всегда и во всем он неукоснительно следовал букве и духу военных уставов, которые знал наизусть, свято чтит традиции русского офицерского корпуса, даже помыслить не мог о малейшем отступлении от писанных или неписанных армейских корпоративных установлений. К сослуживцам-офицерам, независимо от их чинов и должностного положения, относился неизменно уважительно, доброжелательно, ровно. Старался никого особо не выделять и не приближать к себе, даже если для этого

были более чем веские основания. Не позволял себе ни малейшей грубости в отношении офицеров, никогда не повышал голоса, при этом категорически не допускал панибратства, «амикшонства». Установленная им дистанция во взаимоотношениях с сослуживцами может быть признана едва ли не оптимальной.

Некоторые полагают, что это было прямым следствием его исключительной закрытости, душевной черствости, крайнего эгоцентризма и интровертных свойств натуры, но, по моему глубокому убеждению, такую модель поведения в армейской корпоративной среде Николай Александрович выстроил осознанно и всячески стремился от нее не отступать.

Что же касается отношений с нижними чинами, то и здесь он был, что называется, на высоте. На службе не избегал общения с солдатами, стремился быть их наставником, покровителем, при этом не выказывал даже намека на какое бы то ни было высокомерие или пренебрежительность. Символично, что Николай Александрович стремился избегать употребления принятого официального словосочетания «нижний чин». Термин этот представлялся ему слишком казенным, поэтому в его военной лексике преобладали такие слова, как «стрелок», «гусар», «драгун», «артиллерист», «казак» и др. Даже после отречения от престола, будучи под арестом в Тобольске и Екатеринбурге, своих караульных солдат бывший император продолжал именовать преимущественно стрелками. Об этом свидетельствуют строки его дневника.

26 ноября 1917 года в день Георгиевского праздника «гражданин Романов» искренне проявил заботу о тех своих караульных, которые были удостоены Георгиевских наград. Вот какую запись он оставил в своем дневнике в тот воскресный день: «Сегодня Георгиевский праздник. Для кавалеров город устроил обед и прочие увеселения в народном доме. Но в составе нашего караула от 2-го полка было несколько Георгиевских кавал[еров], кот[орых] их товарищи не кавалеры не пожелали подменить, а заставили идти по наряду на службу — даже в такой день!..»

В период своего пребывания на троне Николай Александрович в Пасхальные дни отнюдь не считал зазорным христосоваться с нижними чинами Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

Особо нужно сказать о поведении последнего русского императора на ежегодных «праздниках храбрых», как называли в России

орденский праздник святого Великомученика и Победоносца Георгия, отмечавшийся в день установления князем Ярославом Мудрым в 1054 году общерусского прославления святого, ставшего небесным покровителем государства и в особенности воинства. Именно в день «осеннего Егория», 26 ноября 1769 года, императрица Екатерина II в Зимнем дворце подписала статут Военного ордена св. Георгия — почетнейшей боевой награды. Тогда же были утверждены и хорошо нам знакомые цвета Георгиевской ленты — три черные и две оранжевые чередующиеся полосы. С этого времени Георгиевский праздник стал одним из самых чтимых в России.

Процедура торжеств предусматривала богослужение, праздничный обед, во время которого столы в Зимнем дворце были украшены особым Георгиевским сервизом на восемьдесят персон, специально заказанным в свое время Екатериной на заводе Гарднера. Супницы, тарелки, кремовницы, сухарницы и другие предметы из этого сервиза были украшены изображениями орденских знаков и Георгиевской ленты. Поскольку фарфоровые изделия, используемые во время трапезы, как известно, имеют обыкновение иногда биться, утраты, понесенные сервизом, по приказам Министерства императорского двора неоднократно восполнялись. Во время праздника со стен Петропавловской крепости и со двора Адмиралтейства гремели залпы салюта. Под музыку военных оркестров на Дворцовую площадь выдвигались знаменные роты гвардейских полков...

В Зимнем дворце в знаменитой галерее 1812 года собирались генералы и офицеры, удостоенные орденов св. Георгия, Знаков отличия Военного ордена или Золотого оружия — наградного холодного оружия с надписью «За храбрость» на клинке. С 1913 года Золотое оружие стало именоваться Георгиевским. В соседнем Георгиевском зале выстраивались знаменные взводы гвардейских полков и приглашенные даже из самых отдаленных уголков империи отставные нижние чины — кавалеры Знака отличия Военного ордена.

В 10 часов утра, согласно заведенному ритуалу, из Малахитовой гостиной выходил император Николай II в сопровождении свиты и под торжественные звуки Преображенского марша совершал обход строя Георгиевских кавалеров. Каждый из присутствующих удостоивался высочайшего рукопожатия, а наиболее заслуженные ветераны — короткой беседы с государем. Затем

обычно следовал молебен, окропление Георгиевских знамен и штандартов святой водой.

К часу дня в огромном зале Народного дома императора Николая II накрывали длинные столы для нижних чинов — Георгиевских кавалеров. На крахмальных белоснежных скатертях стояли тарелки, кружки и стаканы, украшенные изображениями Знака Военного ордена (Георгиевского креста), личным вензелем государя и двуглавым российским орлом. В разные годы за этими столами усаживались до двух тысяч человек, в том числе ветераны в исторических мундирах своих полков. Правда, большинство были в штатском — в пиджаках и поддевках, на которых по случаю праздника сияли Георгиевские награды.

В соответствии с заведенным ритуалом в зал входил Николай II, сердечно поздравлял кавалеров и выпивал во их здравие чарку водки. А затем в высочайшем присутствии начинался торжественный обед. Особых разносолов не было, но и щи, и кулебяки, и отбивные свиные котлеты, и десерты в виде сладких пирогов, по свидетельству участников этого приятного действия, были отменного качества. Умеренно пили водку, а также квас, удельное красное вино, пиво и хмельной мед. Император неспешно обходил столы, уважительно беседовал с ветеранами, после чего, еще раз поблагодарив присутствующих за верную службу Отечеству, откланивался. Георгиевские же кавалеры, отобедав, уносили с собой на память столовые приборы, завязанные в специально приготовленные салфетки...

А в семь часов вечера в Зимнем дворце начинался праздничный обед для персонально приглашенных генералов и офицеров — естественно, Георгиевских кавалеров. Накрывались круглые столы на шесть персон, и за один из них присаживался Николай II. Само собой, стол был изобилен, государь — внимателен и даже предупредителен по отношению к присутствующим, многим из которых он оказывал честь непринужденной беседой.

Участником одного из таких обедов в Зимнем дворце был молодой офицер лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Николай Владимирович Воронович. Во время Русско-японской войны, прервав занятия в Пажеском корпусе, он добровольцем ушел на фронт и за проявленное мужество был удостоен Знака отличия Военного ордена. В своих мемуарах, выпущенных за его

счет в Нью-Йорке в 1951 году, Николай Владимирович вспоминает об удивительном случае, имевшем место на Георгиевских торжествах в Зимнем дворце.

Произошло же следующее. Как было принято, государю предложили место за столом рядом со старыми заслуженными генералами. И вот один из них, утомившись, задремал. Предоставим далее слово Вороновичу:

«Внезапно проснувшись и вспомнив, где он находится, старик-генерал подбодрился, взглянул на своего соседа (императора. — А. Т.) и удивился, увидев, что рядом с ним сидит полковник, не имевший на груди Георгиевского креста. Насупив брови, он грозно спросил Государя:

— Скажите, полковник, на каком основании Вы здесь присутствуете?

Государь улыбнулся и скромно ответил:

— Виноват, Ваше Высокопревосходительство, но меня тоже пригласили.

— Ну, если Вас пригласили, то можете оставаться, — милостиво разрешил старый ветеран и снова заснул».

Разумеется, никаких санкций в отношении старого Георгиевского кавалера, не признавшего в скромном полковнике императора Всероссийского, не последовало и последовать не могло. А рассказанный случай лишней раз подтверждает, насколько выдержан и деликатен был Николай II, оказываясь в военной среде.

Неукоснительно соблюдая традиции русской армии, император с особым пиететом относился к полковым праздникам, особенно тех полков, над которыми он имел шефство и в составе которых проходил действительную военную службу. Пожалуй, самым значительным среди этих ежегодных торжеств был праздник лейб-гвардии Преображенского полка, отмечаемый 6 августа, в день Преображения Господня.

В разных полках были свои особенности празднования, но при этом «сценарии» торжеств имели много общего. Прежде всего это прибытие ветеранов полка, преимущественно офицеров, многие из которых, давно пребывавшие в отставке, приезжали в гражданском облачении, во фраках и цилиндрах! Приезжали также и некоторые нижние чины, в свое время уволенные в запас. К ним, как и к офицерам, отношение было самое уважительное.

Приглашались разного рода почетные гости, в обязательном порядке — полковые дамы, которым вручались букеты цветов. На полковом празднике Гатчинских синих кирасир, как в обиходной лексике именовали лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества полк, по свидетельству Владимира Сергеевича Трубецкого, проходившего службу в этом полку, букеты роз, преподнесенные полковым дамам, были перевиты белыми и синими лентами — это были полковые цвета.

Подготовка к полковым праздникам начиналась заблаговременно. Убирали территорию, чистили амуницию, ходили в баню, запасали продукты и напитки... Начинался праздник, как правило, с торжественного построения, затем проходили церемониальным маршем, а потом следовал парадный обед или ужин, устраивавшийся как для нижних чинов, так и отдельно для офицеров и гостей — обычно в Офицерском собрании. На праздники многих полков, расквартированных в Петербурге и его окрестностях, приезжал Николай II. Он присутствовал как на построениях и парадах, так и на торжественных застольях. Обладая поразительной памятью, он знал по именам и в лицо многих полковых офицеров, притом даже младших. Общаясь с ними, император производил неизгладимое впечатление на собеседников. Люди из ближайшего окружения, хорошо знавшие об этой уникальной его способности, неоднократно выказывали искреннее восхищение. Это касается даже тех, кто относился к самодержцу без симпатии.

До конца дней полковые праздники были для Николая Александровича весьма значимыми событиями. Показательно, что осенью 1917 года лишенный короны и пребывавший в Тобольске бывший император записал в своем дневнике: «27 ноября. Понедельник. Праздник нижегородцев! Где они и что с ними?..» Это была дата полкового праздника 17-го Нижегородского драгунского полка, шефом которого являлся Николай Александрович.

Особое отношение императора к армии отчетливо проявлялось и в том, что военную форму он предпочитал любой другой одежде. Разумеется, ему эпизодически приходилось облачаться в «партикулярное платье» — во фрак или охотничий костюм, в зависимости от ситуации. Но военная форма безоговорочно была на первом месте. Николай II обычно носил форму полка, расквартированного в местности, где он в тот или иной момент находился.

В милом его сердцу Царском Селе он иногда носил форму лейб-гвардии Гусарского полка, а чаще — форму императорских стрелков, поскольку здесь также дислоцировались 1-й, 2-й и 4-й Императорской фамилии стрелковые батальоны. В красную рубашку, часть униформы императорских стрелков, он нередко облачался в домашней обстановке и очень любил эту одежду. В Новом Петергофе его униформой являлся мундир лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка.

Характерно, что Николай II с исключительным вниманием и ответственностью относился к вопросам обмундирования армии, следуя в этом отношении традициям Александра Васильевича Суворова. Именно в период его царствования, в 1907 году, в войсках была введена походная форма защитного цвета — это должно было в случае войны в значительной мере уменьшить потери в первую очередь пехоты. Замечу, что Российская империя отнюдь не пионер в этом деле. Впервые полевая форма цвета «хаки» (т. е. желто-коричневого) появилась в английской армии в 1895 году, а после англо-бурской войны уже использовалась в британских войсках повсеместно.

В России необходимость введения защитного обмундирования была осознана во время Русско-японской войны. Тогда же появился и первый опыт. В мае 1904 года военная форма защитного цвета была введена в морских командах, действовавших на суше во время обороны Порт-Артура. С введением защитной формы в русской армии связан весьма примечательный эпизод, главным и единственным действующим лицом которого стал император.

Будучи на отдыхе в Крыму, Николай II однажды облачился в походное снаряжение стрелка 16-го стрелкового Императора Александра III полка. С полной выкладкой, то есть с винтовкой, поясным патронным подсумком, скаткой через плечо, шанцевым инструментом и флягой он проделал пеший переход протяженностью 20 верст. Цель была абсолютно прагматичной — лично проверить, насколько новая форма удобна солдату.

Уважительное отношение к императору в военной среде, помимо всего прочего, было обусловлено таким свойством его натуры, как безусловное личное мужество. Несколько раз ему доводилось демонстрировать свою храбрость прилюдно, и это неизменно вызывало положительный резонанс. Об одном таком случае стоит сказать особо <...>.

6 января 1905 года в день Крещения после литургии, отслуженной в соборе Зимнего дворца, как было заведено, состоялся крестный ход на Неву, на Иордань. Во время водосвятия, когда митрополит опустил в воду крест, начался орудийный салют. Стреляли пушки Петропавловской крепости, а также полевые орудия, установленные на стрелке Васильевского острова рядом со зданием Биржи. Вдруг и государь, и присутствующие услышали звон разбитых стекол Зимнего дворца. К ногам генерала Н. А. Епанчина, стоявшего в трех шагах от Николая II, упала картечная пуля — свинцовый кругляш диаметром более сантиметра. Еще несколько картечин угодили в помост, сооруженный у Иордани. Одна из пуль задела древко знамени Морского кадетского корпуса. Получил ранение стоявший в оцеплении городской.

В этой непростой ситуации, которая могла получить Бог весть какое трагическое продолжение (а если за первым выстрелом картечью последуют другие?) император проявил исключительное самообладание. По свидетельству одного из очевидцев этого происшествия Владимира Федоровича Джунковского, государь, осознавший, что произошло, даже не изменился в лице.

По горячим следам началось расследование, в ходе которого было установлено, что тот самый боевой выстрел (по одной из версий это была учебная, но все-таки картечь!) произвело одно из орудий гвардейской конной батареи под командованием полковника, а впоследствии генерала Гаспарини. Расследование закончилось ничем. Было ли это реальным покушением на императора, демонстрацией протестных настроений или трагической случайностью — не известно. Загадка остается неразгаданной и по сей день. Вскоре во многих уголках России, не говоря уже о столице, загремели выстрелы, взрывы бомб, рекой полилась кровь — набирала обороты Первая российская революция, — и о странном происшествии в день Крещения быстро забыли.

Взойдя на престол, Николай Александрович во многом продолжил военную политику своего отца. А она едва ли может быть признана безупречной. У русской армии было немало недостатков, а у государства — изрядное количество нерешенных в военной области проблем.

Прежде всего обратим внимание на то, что Военное ведомство испытывало острый дефицит средств, отпускавшихся

из государственного бюджета на содержание армии. А ведь помимо штатных расходов требовались немалые деньги на перевооружение войска, которое началось на рубеже XIX–XX веков. В 90-е годы в русскую армию стала поступать 5-зарядная магазинная винтовка С. И. Мосина — знаменитая «трехлинейка», которая с незначительными модернизациями состояла потом на вооружении более 60 лет.

Едва хватило средств на перевооружение артиллерии. В начале XX века в войсках появились трехдюймовки — скорострельные по тем временам пушки образца 1900 года. Осенью 1904 года при участии Л. Н. Гобято в России был создан первый в мире миномет, получивший боевое крещение во время героической обороны Порт-Артура.

Как это ни удивительно на первый взгляд, но обмундировывать и «довольствовать» личный состав армии приходилось за свой счет. Ротные и батальонные командиры были вынуждены заниматься не столько профессиональной подготовкой нижних чинов, особенно новобранцев, сколько разного рода хозяйственной деятельностью. Офицеры, по меткому выражению русского военного историка Антона Антоновича Керсновского, превратились в артельщиков и каптенармусов. Явно недостаточно выделялось средств на денежное довольствие офицерского корпуса, на «оклады пенсий» офицеров, вышедших в отставку.

Впрочем, военная политика Николая II не была лишена и позитивных моментов. Так, к примеру, значительно повысила свою боеспособность русская кавалерия. В этом была немалая заслуга внука Николая I великого князя Николая Николаевича (Младшего), назначенного в 1895 году генерал-инспектором кавалерии. В данном случае кадровое решение Николая II оказалось безупречным, хотя в личностном отношении великий князь был персоной отнюдь не симпатичной, не пользовавшейся авторитетом в военной среде.

В период пребывания на престоле Николая II Россия участвовала в трех войнах — в так называемой Китайской 1900 года, в Русско-японской 1904–1905 годов и в Первой мировой.

Китайская война, которую нередко квалифицируют как подавление «Боксерского», или Ихэтуаньского, восстания, театром военных действий имела Северный Китай и Маньчжурию. Помимо русских сухопутных войск в ней приняли участие канонерки

«Гиляк» и «Бобр». В военные действия оказались также втянуты японцы, англичане, германцы, французы, американцы, итальянцы и даже небольшой контингент австрийцев — всего-то около пятисот человек.

1 августа 1900 года международные военные силы, ядром которых являлись русские сибирские стрелки, взяли Пекин. В дальнейшем русские войска вели боевые действия главным образом в Маньчжурии, где им противостояли как регулярные китайские части, так и многочисленные хунхузы — в буквальном переводе краснобородые. Это были преимущественно беглые солдаты, ссыльные, просто бандиты, хорошо вооруженные и представлявшие реальную опасность для строившейся Китайско-Восточной железной дороги. Был момент, когда вся КВЖД контролировалась китайцами, а переполненный беженцами Харбин был осажден.

Но русские войсковые отряды под командованием генералов П.-Г. К фон Ренненкампа, К. В. Сахарова, полковника П. И. Мищенко и других военачальников разгромили противника, и к началу сентября Китайская кампания, по сути, оказалась закончена.

Выше уже упоминалось о том, что Николай II был не слишком осведомлен относительно реальной ситуации на дальневосточных рубежах. Отчасти поэтому Россия, безоговорочно выигравшая Китайскую войну, как это нередко случалось и прежде, скольконибудь серьезных политических дивидендов, увы, не получила. Положение на Дальнем Востоке продолжало оставаться для империи в высшей степени напряженным и даже опасным. А в Санкт-Петербурге и Царском Селе заблуждались по поводу перспектив России в этом стратегически важном регионе, и готовность к новой, уже гораздо более серьезной войне была не на высоте. Что, собственно говоря, и подтвердилось уже в самом начале войны с Японией.

Эта война, оказавшаяся отнюдь не «маленькой» и уж совсем не «победоносной», как пытались самоуверенно предначертать некоторые наши политики, стала серьезным испытанием для Российской империи — не только в собственно военном и экономическом, но и в политическом, а также социально-психологическом отношении.

К великому сожалению, политические ошибки усугубились грубыми кадровыми просчетами. Крайне неудачным был подбор

высших воинских начальников и в первую очередь генерала А. Н. Куропаткина, которому вменили в обязанность командовать вооруженными силами России на Дальнем Востоке. Именно Алексей Николаевич несет ответственность за досаднейшее поражение при Сандепу, именно он принял ряд ошибочных решений, повлекших за собой масштабные военные неудачи.

Николай II как верховный правитель страны, безусловно, ответственен за серьезные внешнеполитические промахи, допущенные в ходе осуществления дальневосточной политики. Прямым следствием проявленной недальновидности стали стратегические просчеты, в результате которых русские войска потерпели ряд обидных поражений. Тем более обидных, что даже в неблагоприятной обстановке мы имели реальные возможности, опираясь на численное превосходство и выучку сибирских стрелков, уже в самом начале войны нанести сокрушительное поражение японским сухопутным войскам.

Высокий патриотизм, мужество и стойкость русской пехоты и моряков, что, к слову, признали и наши противники, и иностранные наблюдатели, не смогли компенсировать бездарности высшего военного и политического руководства.

После Русско-японской войны, плачевные результаты которой по определению не могли не оказать влияния на дальнейшую военную политику верховной власти, Николай II предпринял некоторые усилия, направленные на повышение боеспособности армии. Однако просчеты продолжали множиться. В первую очередь это касалось кадровой политики, имевшей ключевое значение для судеб не только вооруженных сил, но и страны в целом.

Поистине судьбоносной ошибкой императора стало назначение в 1909 году на пост военного министра Владимира Александровича Сухомлинова. Не лишенный способностей, отнюдь не глупый, достаточно образованный (в его послужном списке — учеба в Николаевской академии Генерального штаба), генерал Сухомлинов катастрофически заблуждался в отношении своих способностей руководить вверенным ему ведомством на основании новейших достижений военной науки.

«Невежественность генерала Сухомлинова сочеталась с поразительным легкомыслием. Эти два недостатка позволяли ему поразительно спокойно относиться к сложнейшим вопросам организации военной мощи. У не понимающих всю сложность

современного военного дела людей создавалось ложное впечатление, что Сухомлинов быстро разбирается в деле и очень решителен. Между тем он просто уподоблялся человеку, который, гуляя около пропасти, не видел ее», — так охарактеризовал Владимира Александровича авторитетнейший военный специалист, автор фундаментального труда о Первой мировой войне профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Головин*.

Но В. А. Сухомлинов импонировал Николаю II своим неиссякаемым оптимизмом и поэтому вплоть до 1915 года оставался во главе Военного ведомства. Правда, потом, несмотря на благорасположение своего венценосного патрона, он был отстранен от должности, обвинен в превышении власти, служебных подлогах, лихоимстве и даже в государственной измене (sic!).

Пирамида военных должностей, увенчанная столь неподходящим наверху, являла собой поистине плачевное зрелище. Так, с 1911-го по 1914 год Генеральный штаб возглавлял Яков Григорьевич Жилинский — «мелочный столоначальник», по определению А. А. Керсновского, человек, может быть, в целом и неплохой в личностном отношении, но непригодный для названной должности ввиду весьма посредственных профессиональных способностей.

Весной 1914 года, незадолго до начала мировой войны, его сменил Николай Николаевич Янушкевич — креатура В. А. Сухомлинова, человек, безусловно, образованный в военном отношении, но не имевший никакого командного опыта и, что самое главное, необходимого для начальника Генштаба стратегического мышления и кругозора. Мученическая безвинная смерть от рук озверевшей солдатни, последовавшая уже после Октябрьского переворота, стала трагической точкой в его не вполне удавшейся военной карьере.

Не приходится удивляться тому, что в предвоенные годы были допущены серьезные просчеты в подготовке к неизбежной войне — о том, что война так или иначе грянет, знали все мало-мальски думающие люди. Другое дело, что обывателя, пусть даже и незаурядного (я имею в виду представителей творческой интеллигенции) чаще всего посещали апокалиптические

* См.: Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне: В 2 т. Париж, 1939.

настроения, военные же специалисты с обоснованной тревогой ждали приближавшейся грозы.

Впрочем, ряд позитивных моментов, как бы то ни было, имел место. Не малого прогресса достигла русская артиллерия, которую пестовал ее генерал-инспектор великий князь Сергей Михайлович. В составе русского военно-морского флота появились великолепные боевые корабли — такие как паротурбинный эскадренный миноносец «Новик», построенный на Путиловском заводе в Петербурге и являвшийся в период мировой войны одним из лучших кораблей своего класса.

Однако немногие успехи сводились на нет «чугунными» (если вспомнить эпитет, использованный оппозиционно настроенными современниками в отношении Цензурного устава императора Николая I) «достижениями» выдвинутых последнего российского императора. Чего стоит один только Полевой устав 1912 года, составленный в то время еще полковником М. Д. Бонч-Бруевичем и ставший первопричиной ничем не обоснованных потерь русской армии во встречных боях летом и осенью 1914-го! Невысокая военная квалификация императора не позволяла ему хотя бы элементарно отделять зерна от плевел. Увы...

Принципиально важным представляется вопрос о военных программах, призванных обеспечить боеспособность армии. Это так называемые Большая и Малая программы, разработкой которых занималось военное ведомство, а принятие входило в компетенцию Государственной думы.

Реализация Большой программы, затраты на которую превышали 1 миллиард рублей (астрономическая, но реально необходимая сумма), долгое время тормозилась откровенной грызней между В. А. Сухомлиновым и Думами, как III-го, так и IV-го созывов.

Известный общественный и политический деятель, думский депутат, имевший непосредственное отношение к бюджетным вопросам, Никанор Васильевич Савич в своих воспоминаниях, которые он закончил в конце 1930-х годов, в эмиграции, и которые увидели свет лишь в 1993 году при участии автора этих строк, пишет об «открытой войне» между Думой и военным ведомством. Война привела к тому, что осуществление Большой программы началось слишком поздно...

Формально Николай II, казалось бы, ответственности за случившееся не несет. Однако *de facto* бремя этой ответственности

тяжким грузом ложится и на его плечи. В итоге Россия летом 1914 года оказалась недостаточно подготовленной к серьезной, долговременной, масштабной войне — а именно таковой стала для нее, равно как и для других мировых держав, великая война 1914–1918 годов.

19 июля 1914 года (по старому стилю) в 7 часов вечера Германия объявила войну России. На следующий день последовало назначение Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича (Младшего), который в предвоенные годы не имел отношения к разработке планов грядущей войны, а в начале мирового противостояния допустил ряд серьезных стратегических просчетов. Просчетов, наверное, можно было бы избежать в случае вмешательства «верховного вождя армии» — императора Николая II. Однако по причинам, о которых речь шла выше, сделано это не было.

А между тем, в соответствии с действовавшим законодательством, император имел «верховное начальствование» над вооруженными силами страны и даже намеревался, когда война стала реальностью, лично возглавить армию. И это не осуществилось, поскольку от рокового шага его отговорили государственные деятели империи.

Вообще, стратегическое руководство в годы войны оставляло желать лучшего. Поистине роковую роль здесь сыграло то обстоятельство, что в России в начале XX века не нашлось полководца, талантливого стратега калибра П. А. Румянцева, А. В. Суворова или М. Д. Скобелева. Впрочем, и военачальники других держав полководческими талантами не блистали: ни Жоффр, ни Хейг, ни Мольтке Младший, ни Гинденбург, а уж тем более ни Френч или Першинг к категории полководцев отнесены быть не могут.

У России были талантливые командующие армиями, прекрасные начальники дивизий, квалифицированные полковые и батальонные командиры, но в высшем эшелоне военного руководства находились люди, не способные принимать единственно верные стратегические решения. И вины императора в этом, конечно, нет, тем более что и сам он, как уже отмечалось, стратегическими способностями не обладал. В тех же редких случаях, когда Николай II оказывался близок к правильному выбору в области стратегического планирования, он, к великому сожалению, не проявлял должной твердости и не использовал

весь имевшийся в его распоряжении властный ресурс, уступая своим заблуждавшимся подданным, хоть и пребывавшим в высоких воинских чинах.

Так случилось, к примеру, весной 1915 года, когда шла подготовка летней кампании. Император считал, что очень важно овладеть Константинополем, тем более что объективные возможности для этого имелись. В случае успеха Россия получала бы огромные дивиденды — геополитические, собственно военные, морально-психологические...

Но главковерх и Ставка, зная мнение государя, предпочли использовать другие векторы военной стратегии. В итоге — унижительное отступление, тяжелые потери и, как следствие, упадок духа в обществе и армии.

Негативным образом на русской военной стратегии сказывалось и то, что сильное влияние на нее оказывали союзники по Антанте, позволявшие себе не только просить Россию о тех или иных с их точки зрения жизненно важных операциях, но прямо навязывать ей ответственные стратегические решения. Речь идет в первую очередь о Франции. Вот здесь Николай II как никто другой мог употребить во благо своей стране и армии собственный статус и прерогативы императора Всероссийского. Увы, не употребил.

Исключительно важной для судеб страны и самого самодержца представляется ситуация с отрешением от должности главковерха великого князя Николая Николаевича (Младшего) и появления во главе армии государя. Судя по всему, в начале августа 1915 года император осознал необходимость такого ответственного шага. В придворных и правительственных кругах начали распространяться упорные слухи о том, что фактическое управление войсками окажется в руках генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Николая Владимировича Рузского, который в июле-августе командовал 6-й армией. Об этом, в частности, свидетельствовал помощник управляющего делами Совета министров Аркадий Николаевич Яхонтов.

Решение, принятое Николаем II 23 августа 1915 года, вызвало неоднозначную реакцию современников. Автор этих строк имел возможность познакомиться с обширным корпусом мемуаров, как опубликованных, так и не увидевших пока свет. При этом меня интересовало мнение не только военных, но и общественных и государственных деятелей, деятелей культуры и науки,

заурядных обывателей, представителей разных социальных слоев тогдашнего российского общества.

Очевидным стало одно: появление императора в Ставке в качестве Верховного главнокомандующего оценивалось и, к слову, оценивается сегодня по-разному. Одни, как, например, генерал А. И. Спиридович, восприняли это с воодушевлением. Александр Иванович на страницах своих воспоминаний пишет о том, что возложение императором на себя обязанностей главноверха было воспринято и обществом в целом и армейской средой в частности как некий избавительный акт, как панацея от жестоких обидных поражений. «Из новой, Царской Ставки повеяло спокойствием, правдой и справедливостью», — на чертал он в годы эмиграции.

Генерал Н. Н. Головин, чье мнение разделял и А. И. Деникин, полагал, что личное участие государя в командовании армией было достаточно формальным. Фактически бразды правления оказались в руках очень способного штабиста, популярного в офицерской среде, но не обладавшего полководческими дарованиями и харизмой Михаила Васильевича Алексева, назначенного начальником штаба Верховного главнокомандующего.

Многие же вообще придерживались того мнения, что решение, принятое императором, было глубоко и катастрофически ошибочным. Встав во главе армии в момент, когда ее положение было крайне тяжелым, Николай II поставил под угрозу не только свою личную репутацию, которая, увы, была уже сильно подмочена «распутинскими скандалами», «женой-немкой» и другим «компроматом», распространившимся оппозицией, он сделал легкоуязвимыми, шаткими устои многовековой российской монархии.

Крайне негативно оценивал самоназначение главноверхом императора отец Георгий Шавельский, последний протопресвитер русской армии и флота. Будучи человеком в высшей степени независимым в суждениях, он в своих воспоминаниях превозносил прежнего главнокомандующего, писал о том, как ему верила и как его любила армия. Что же касается государя, то отец Георгий позволил себе по отношению к нему следующий пассаж: «Надежда, что император Николай II вдруг станет Наполеоном, была равносильна ожиданию чуда». Нового главноверха он назвал «священной эмблемой, но не мозгом и волей армии».

С моей точки зрения, отъезд государя в Ставку хотя и имел некоторые негативные последствия для страны — отсутствие царя в столице в условиях постепенно нараставшего политического кризиса нельзя оценивать позитивно, — может быть квалифицирован как поступок человека, остро сознававшего свою ответственность за все происходившее. Другое дело, что принятое Николаем II решение к кардинальному изменению уровня стратегического военного руководства не привело.

Отрешенного от должности верховного и отправленного наместником на Кавказ великого князя Николая Николаевича (Младшего) многие современники считали гипертрофированно амбициозным человеком и законченным интриганом. В принципе в этом нет ничего экстраординарного. Многие члены Императорской фамилии (в начале XX столетия их было несколько десятков человек) отличались этим качеством. Но в отношении Николая Николаевича многие мемуаристы и исследователи высказали особое мнение. Его, в частности, упрекают в том, что он чем дальше, тем больше вмешивался в дела государственного управления, выработал свой собственный план вывода России из кризиса и даже вынашивал планы своего рода дворцового переворота.

В этой связи уместно упомянуть о получившей достаточно широкое распространение версии о наличии в России самого настоящего заговора, к которому имел отношение и великий князь. Удаление из Ставки и «командировка» на Кавказ, согласно упомянутой версии, были вызваны в первую очередь этой причиной. Об этом писали в свое время авторитетнейшие русские историки С. П. Мельгунов и А. А. Керсновский. Эту версию развивает, к примеру, и современный историк П. В. Мультиатули, который в заголовке своей книги о Николае II использовал злое слово сочетание «заговор генералов». <...>

Тема интриганства членов Императорской фамилии в отношении венценосных особ, связанная с перспективами отрешения их от власти, отнюдь не нова. Достаточно вспомнить о слухах, наводнивших столицу в 80-е годы XIX века. Тогда из уст в уста, причем не только в великосветских гостиных, передавалась информация о том, что великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал, управлявший Морским министерством и возглавлявший Государственный совет, вовсе не случайно в день ужасного взрыва в Зимнем дворце

(это было одно из многочисленных покушений на императора Александра II) уехал в Кронштадт и в случае смерти государя (!) намеревался объявить о своем восшествии на престол!

С моей точки зрения, концепция заговора, в котором, кстати, якобы участвовал и преданнейший императору генерал М. В. Алексеев, убедительных подтверждений не имеет. Другое дело, что Николай II действительно относился к своему высоко-рослому (в прямом смысле) дяде, мягко говоря, без симпатии и, может быть, с известной подозрительностью. А он, в свою очередь, платил венценосному племяннику той же монетой.

Опираясь на безусловно установленные исторические факты, приходится констатировать, что оппозиция правившему страной монарху реально существовала. О радикально-революционной и либерально-демократической говорить не приходится — их деятельность, направленная на дискредитацию и последующую ликвидацию монархии, достаточно хорошо известна. Но была еще и оппозиция «великокняжеская», в составе которой с известными оговорками можно обнаружить две ветви.

Первая была связана с сыновьями великого князя Михаила Николаевича, четвертого сына Николая I. Великий князь Николай Михайлович, известный историк, председатель Русского исторического общества, благороднейший человек, состоявший в переписке с Л. Н. Толстым, 1 ноября 1916 года приехал в Ставку, в Могилев, и в тот же день вечером тет-а-тет встретился с императором. В ходе обстоятельной двухчасовой беседы он предпринял попытку убедить своего венценосного племянника в том, что и ему лично, и престолу, и стране в целом угрожает смертельная опасность. Николай Михайлович не без колебаний передал Николаю II письмо, в котором предостерегал его от последствий вмешательства в государственные дела императрицы Александры Федоровны. Эффект был нулевой. Более того, упомянутое письмо вскоре оказалось в руках Алике, и неудивительно, что великому князю было предписано немедленно покинуть Петроград и пребывать в своем имении Грушевке на Украине.

Вторая ветвь «великокняжеской» оппозиции была связана с великим князем Николаем Николаевичем (Младшим), который ни в каком заговоре, как уже было упомянуто выше, не участвовал, хотя, как утверждают некоторые, ему было сделано соответствующее предложение.

Подписав акт об отречении от престола, последний российский император тем самым завершил свою не только светскую, но и военную карьеру. Впрочем, став «гражданином Романовым» и арестантом, он продолжал носить полковничьи погоны. Уже в Тобольске, в начале апреля 1918 года, у него отобрали единственное холодное оружие — кинжал, а через несколько дней отвечавший за охрану царской семьи полковник Е. С. Кобылинский показал Николаю Александровичу телеграмму из Москвы, в которой подтверждалось вынесенное ранее постановление отрядного комитета о снятии бывшим царем и бывшим цесаревичем погон, которые они до тех пор носили. «Этого свинства я им не забуду», — записал Николай II в своем дневнике.

До окончания земного бытия последнего российского императора оставалось совсем немного.

